

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.И. Попов

**Христианская любовь,
как истинное основание
и цель человеческой жизни**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 11. С. 715-731.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Христіанская любовь, какъ истинное основаніе и цѣль человѣческой жизни.

ГРУСТНОЕ и тяжелое время переживаетъ наша дорогая родина... Злоба, вражда, ненависть и прочія человѣческія страсти разыгрались во всю ширь и породили общественныя нестроенія и пороки: раздоры, всякаго рода насилія и притѣсненія. Нѣкоторые русскіе люди дошли даже до того, что, потерявъ стыдъ и совѣсть и всякое чувство состраданія, совершаютъ самыя чудовищныя преступленія, самыя звѣрскія дѣла. Вотъ въ такое-то время весьма необходимо указать на забытое основаніе всякой истинно-человѣческой жизни—великое начало Христовой любви и, значить, и подлинной Божьей правды.

Что-же такое истинная или, иначе, нравственная христіанская любовь?—Она есть постоянное стремленіе человѣческой души достигнуть единенія съ Богомъ, какъ единственно высочайшей истиной, добромъ и красотой, какъ конечною цѣлью всѣхъ желаній сердца, жаждущаго вѣчнаго и неизмѣннаго счастья или блаженства, а равно стремленіе всѣми силами содѣйствовать достиженію этого же счастья и ближнихъ нашихъ, какъ дѣтей Единого всѣмъ намъ Небеснаго Отца-Бога и братьевъ нашихъ во Христѣ-Искупителѣ. Такъ и Самъ Господь въ отвѣтъ на вопросъ законника: *«какая наибольшая заповѣдь въ законѣ»*, сказалъ: *«возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ... И ближняго твоего, какъ самого себя. Такъ поступай и будешь жить»* (Лк. X, 27 ср. Мѳ.

22, 36). Такую энергію и силу чувства, а также и ума и воли, устремляющихся къ Богу, выразилъ еще пророкъ Давидъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ: *«Какъ лань жаслетъ къ потокамъ воды, такъ жаслетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! Жаслетъ душа моя къ Богу крѣпкому, живому: когда прійду и явлюсь предъ лице Божіе!»* (пс. 41, 23). *«Кто мнѣ на тебѣ?»*—взываетъ онъ въ другомъ псалмѣ. *И съ Тобою ничего не хочу на землѣ. Изнемогаетъ плоть моя и сердце мое: Богъ твердыня сердца моего и часть моя во вѣкъ»* (пс. 72, 25—6). *«Желаніе имѣю разрѣшиться* (т. е. умереть) *и быть со Христомъ»*,—говоритъ Ап. Павелъ (Филип. 1, 23).—Любовь, значить, есть какое-то таинственное, вложенное въ самую глубину человѣческой природы, тяготѣніе души, какъ образа Божія, къ своему Первообразу (а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ ближнимъ нашимъ, какъ отображенію одного Бога), есть полное преданіе себя, своей личности въ другую личность, и одновременное «воспріятіе» другой личности въ свою. Но это не есть утрата своей личности, своей свободы: потому что полюбить и любить Бога и ближнихъ никто не можетъ заставить человѣка, никакія силы и угрозы,—любовь есть самое свободное изъ всѣхъ чувствъ, и гдѣ любовь, тамъ и свобода («свободная любовь»): это несомнѣнный фактъ опыта. Мало того, въ любви къ другой личности (подобной ему) человѣкъ находитъ еще и утвержденіе своей личности и личной свободы: любя другого, любящій, такъ сказать, находитъ себя въ немъ, живя съ любимымъ существомъ одними мыслями, одними чувствами, одними желаніями. Онъ, такимъ образомъ, дѣлается какъ-бы *одно* съ любимымъ лицомъ, и его жизнь является уже *вдвойнѣ* энергичной, восполняясь жизнью любимаго. Разумѣется, это происходитъ въ особенности тогда, когда мы встрѣчаемъ полную взаимность (симпатію), когда любящее сердце получаетъ такой же отвѣтъ отъ другого сердца. Но любовь можетъ быть даже и безъ взаимности: тутъ она ждетъ, надѣясь, что другое сердце отзовется же когда нибудь на его призывъ; по Апостолу, тутъ она *«долготерпитъ»* (I Кор. 13, 4). Можетъ даже быть и любовь ко врагамъ (по при содѣйствіи особой благодатной помощи Божіей); можетъ быть и *«страждущая»* любовь: та и другая, наконецъ, перѣдко и побѣждаютъ добромъ зло. Такъ, значить, въ тайнѣ любви выражается вся *полнота* и *гармонія* душевной жизни человѣка, противоположное же ей состояніе есть состояніе *мертвенности, безжизненности*.

Такъ и слово Божіе свидѣтельствуеъ, что «соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ» (I Кор. 6, 17)—и это въ силу тѣсной связи духа человѣческаго съ духомъ божественнымъ, въ силу ихъ взаимнаго союза любви. Отсюда понятно также и то, почему любовь слѣдуетъ назвать «сущностью» душевной жизни и «гармоніей» ея: въ любви, какъ самомъ сильнѣйшемъ чувствѣ, какъ лучи въ фокусѣ, сосредоточивается вся сила души—и ума, и чувства, и воли. И вотъ почему любовь, и только любовь, и есть начало и сущность религіи, какъ союза Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ, а равно и истинная основа жизни и дѣятельности человѣка, исходный пунктъ его развитія и нравственнаго усовершенствованія. Вотъ что напр. пишетъ знаменитый ученый Карусъ: «все высшее развитіе, котораго можетъ достигнуть душа, первоначально основывается на любви, ибо въ своей глубочайшей сущности любовь есть ничто иное, какъ могущественное влеченіе къ усовершенствованію нашего бытія, къ высшей и блаженной полнотѣ нашей собственной сущности» ¹⁾.

На чемъ же основывается такая любовь? Гдѣ человѣку найти силы и средства къ такому высокому и полному выраженію энергіи своей жизни? Начало ея *отъ Бога и въ Богѣ*. Въ мірѣ все подчинено волѣ Бога-Творца міра, все имъ поддерживается, движется и существуетъ (Дѣян. 17, 25, 28). И міръ, со всѣми его существами, созданъ по любви Бога, чтобы, наслаждаясь своимъ бытіемъ, своею жизнію и отображая Его славу, участвовать въ Божественной любви, ибо *Богъ есть любовь* (I Іоан. 4, 8, 16). «*Богъ любитъ все существующее и ничѣмъ не ижмается, что сотворилъ, потому что не создалъ бы, если бы что ненавидѣлъ*», говоритъ премудрый Соломонъ (Прем. Сол. 11, 25). Богъ является, слѣдовательно, любящимъ Отцомъ по отношенію къ міру, а въ особенности, конечно, по отношенію къ разумно-свободнымъ и чувствующимъ существамъ, способнымъ отзываться на Его любовь. «*Забудетъ ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего. Но если бы и она забыла, то я не забуду тебя*», говоритъ самъ Господь чрезъ пророка Исаію (49, 15). А почему такъ? Потому, что и тайна Божественной жизни во св. Троицѣ есть тайна Божественной любви: «ты видѣлъ Троицу, если видѣлъ любовь», пишетъ блаж. Авгу-

¹⁾ А. Бѣляевъ: „Любовь Божественная“,—стр. 392.

стинѣ. Отецъ чрезъ безконечную любовь рождаетъ Сына своего и изводитъ Святого Духа,—любовь, стало быть, объединяетъ Лица Св. Троицы во едино Божество, едино существо, единую волю, разумъ и чувство—блаженство. *«Отецъ любитъ Сына»* (Іоан. 5, 20), и *«Сынъ любитъ Отца»* (—14, 31). И у насъ христіанъ есть, значить, живой и величайшій образецъ любви Отчей—«возлюбленный» Единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, эта воплощенная любовь, съ пришествіемъ Котораго въ полнотѣ и совершенствѣ открылась и любовь Бога Отца къ людямъ. Ибо *«такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, чтобы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную»* (Іоан. 3, 16). Любовь потому у насъ и возможна и необходима, что она прежде всего отъ Бога, Отца Господа І. Христа. Христосъ говоритъ всѣмъ намъ: *«Какъ возлюбилъ Меня Отецъ, и Я возлюбилъ васъ, пребудьте въ любви Моей; не вы меня избрали, но Я избралъ васъ»* (отъ міра) (Іоан. 15, 9, 16). *«Будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ»*, пишетъ св. Іоаннъ Богословъ (І Іоан. 4, 19). Здѣсь-то вотъ—чрезъ Христа и во Христѣ—и заключается источникъ нашей любви, здѣсь любящій до самопожертвованія Господь входитъ въ общеніе братской любви съ человекомъ, желаетъ быть каждымъ изъ людей любимымъ, возбуждаетъ и привлекаетъ къ Себѣ сердце всякаго. Здѣсь любовь Божія получаетъ взаимность (ибо любовь можетъ войти въ близкій союзъ только съ любовью); отсюда, значить, возгрѣвается и наша любовь ко Христу, давшему намъ Своими искупительными страданіями и крестною смертію все, что только можетъ дать высочайшая Божественная любовь для счастья и блаженства любимыхъ существъ. Отсюда же, какъ отъ нѣкоего никогда неугасающаго пламени любви, возжигается и изливается въ самую глубь нашего сердца (Рим. 5, 5) любовь къ Богу и Христу, а въ подражаніе ему—и ко всѣмъ ближнимъ нашимъ, какъ Его меньшимъ братьямъ, по Его слову: *«Такъ какъ вы это сдѣлали (какія т. е. дѣла любви и благотворенія) одному изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ»* (Мѣ. 25, 40). Вотъ почему горячая, искренняя, доходящая до самопожертвованія любовь и возможна лишь въ христіанствѣ: она есть отвѣтная любовь наша на любовь къ намъ Христа,—потому что только чрезъ Него мы узнали во всей полнотѣ, что *«Богъ есть любовь»* (І Іоан. 4, 16) потому

что Христосъ отдалъ жизнь Свою за людей (Іоан. 10, 14, 18), доказавъ этимъ свою величайшую любовь; ибо, по слову Его, *«нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ»* (Іоан. 15, 13),—стало быть. *«и мы должны полагать души свои за братьевъ»* (I Іоан. 3, 16).—

И дѣйствительно, какъ мы съ несомнѣнностью знаемъ, жизнь I Христа была всецѣлымъ воплощеніемъ любви къ Богу-Отцу и къ людямъ. Но вся сила, вся широта, и высота и глубина любви Христа, и въ то же время и тайна ея—тайна притяженія къ Нему сердець всѣхъ людей—обнаружилась въ Его крестной смерти за весь человѣческій родъ: *«если Я буду вознесенъ отъ земли (т. е. распятъ), всѣхъ привлеку къ Себѣ»*, говорилъ Господь (Іоан. 12, 32).

Поэтому-то *крестъ Христовъ*, выражая всю силу Божественной любви, и служить основаніемъ христіанской вѣры и жизни. жизни въ любви къ Распятому за насъ. А такъ какъ любовь, какъ мы говорили, выражаетъ всю полноту Божественной природы и жизни. то понятно, почему любящій *«въ Богъ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ»* (I Іоан. 4, 8, 16), почему онъ ощущаетъ въ себѣ эту божественную любовь, неудержимо и ненасытимо стремится къ идеалу любви—Господу I. Христу, какъ совершенству природы человѣческой (какъ къ истинному—какъ Онъ любилъ Себя называть—*«сыну человѣческому»*) и совершеннѣйшей любви, стремится болѣе и болѣе приблизиться къ Нему, жаждетъ общенія и единенія съ Нимъ (Іоан. 17, 21). *«Любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога»* (I Іоан. 4, 7—8)¹⁾. А отсюда, отъ Христа и чрезъ Христа, возникаетъ любовь и ко всѣмъ людямъ, согласно Его заповѣди: *«любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ»* (Іоан. 13, 34—5); поэтому мы и должны *«жить въ любви»* (Еф. 5, 2), должны *«радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими»* (Рим. 12, 15).

¹⁾ Наилучшимъ выраженіемъ этого взаимнаго единенія въ любви служить *молитва*—эта „душа души“ по выраженію отцовъ Церкви: ибо она—небесный языкъ любви, непосредственное собесѣдованіе наше съ Богомъ. Въ молитвѣ мы просимъ, благодаримъ и прославляемъ Бога, а это и есть языкъ любви. А въ высшей ея степени, какъ въ таинственномъ общеніи души съ Богомъ, и возгрѣвается наша пламенная любовь къ Богу и ближнимъ. Вотъ здѣсь-то любовь и является, по словамъ св. Іоанна Лѣствичника „подательницей пророчества, причиной чудотвореній, бездвой просвѣщенія, источникомъ огня божественнаго“. И это мы видимъ въ опытѣ великихъ молитвенниковъ.

Понятно теперь и то, почему любовь есть «*исполненіе закона*» (Рим. 13, 8), «*союз совершенства*» (Колос. 3, 14): въ ней, очевидно, заключаются всѣ главные добродѣтели, выраженные въ заповѣдяхъ блаженства,—какъ личныя: смиреніе, сокрушеніе сердца и жажда правды, такъ и общественныя: кротость, милосердіе и миролюбіе, такъ и религіозныя: чистосердечіе и самоотверженіе за вѣру и правду ¹⁾).

Такъ-то любви христіанской принадлежитъ «все лучшее, все высокое, все благородное. Она заключаетъ въ себѣ всѣ цвѣта добродѣтели» ²⁾).

Понятно также и то, почему Господь сравнивалъ любовь съ огнемъ: «*огонь пришелъ низвестъ Я на землю; и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся*» (Лк. 12, 49). — огнемъ, поналяющимъ все нечистое—всѣ грѣхи людей и дающимъ начало и силу всему чистому, доброму, святому. «*Прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много*» (Лк. 7, 47), сказали Христосъ о женѣ грѣшницѣ, обливавшей ноги Его слезами и огиравшей ихъ своими волосами. А Соломонъ даетъ слѣдующее замѣчательное сравненіе любви, свидѣтельствующее о ея необычайной крѣпости и силѣ: «*Крѣпка, какъ смерть, любовь; люта, какъ преисподняя ревность; стрѣлы ея стрѣлы огненныя; она пламень весьма сильный. Большія воды не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ея*» (Пѣснь пѣсн. 8, 6—7). И это совершенно понятно; какъ въ обычномъ житейскомъ понятіи о любви ревность считается признакомъ сильной любви,—такъ и здѣсь. Вотъ отчего какъ самого І. Христа «*спѣдала ревность по домъ Божіемъ*» (Бога-Отца Іоан. 2, 17), такъ и требовалъ Онъ любви къ себѣ выше всего, выше всѣхъ житейскихъ привязанностей и даже родственныхъ связей, если онѣ, конечно, препятствуютъ и отвлекаютъ отъ любви къ Богу: Онъ говорилъ: «*Кто любить отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня, и кто любить сына или дочь болѣе Меня, не достоинъ Меня*» (Матѣ. 10, 37).

Таковы свойства истинной, духовной, христіанской любви, ея сила и значеніе.

Посмотримъ теперь на весь кругъ дѣятельности человѣка и его многоразличныхъ отношеній—и мы опытно узнаемъ все

¹⁾ А. Соколовскій: „Религія любви и эгоизмъ“, стр. 91.

²⁾ А. Соколовскій: „Религія любви и эгоизмъ“, стр. 85.

великое значеніе любви.—Но взглянемъ сначала на *природу*, на *видимый міръ*. Что мы здѣсь находимъ? Находимъ, что какъ въ общемъ теченіи жизни міра, такъ и въ отдѣльныхъ родахъ и видахъ существъ его, даже въ неодушевленной природѣ, проявляется любовь. Въ самомъ дѣлѣ, въ природѣ мы всюду замѣчаемъ какую-то гармонію, единство, порядокъ, соединеніе,—и это не смотря на противоположность стихій ея—воды и огня, свѣта и тьмы, тепла и холода и т. д., не смотря также и на то, что замѣчаемъ всюду великую борьбу за существованіе, поглощеніе и уничтоженіе сильными слабыхъ существъ. Очевидно, какая-то сила, хотя пока и безсознательно, обнаруживается въ законахъ природы: это—неудержимое взаимное тяготѣніе (напр. одной планеты къ другой) и, какъ результатъ этого, равновѣсіе ¹⁾; это, затѣмъ, какая-то непонятная взаимная симпатія, особенно сильно проявляющаяся въ кристаллизаціи (напр. въ образованіи коралловъ—полиповъ) и такъ называемомъ «химическомъ сродствѣ»,—эта сила симпатіи есть обнаруженіе Божественной любви, воли и славы Создателя міра, которую (славу) «*повѣдаютъ небеса*» (Пс. 18, 2), такъ что, по выраженію псалмопѣвца, солнце, напр., «*радуется, какъ исполинъ, пробѣжавъ поприще*» (—18, 6). Ясно, что и на низшихъ ступеняхъ міровой жизни сказывается не одна лишь «борьба за существованіе» (какъ односторонне—неправильно понимаетъ Дарвинъ),—такъ какъ иначе вѣдь произошло-бы полное уничтоженіе сильными болѣе слабыхъ, полное разрушеніе и гибель. Глубоко прозрѣвъ это св. Василій Великій въ своемъ объясненіи дней творенія—«Шестодневъ» (см. 2-ю бѣсѣду). Вотъ что онъ пишетъ: «цѣлый міръ, состоящій изъ разнородныхъ частей, Богъ связалъ какимъ-то *неразрывнымъ союзомъ любви* въ одну гармонію,—такъ что части, весьма удаленныя другъ отъ друга по положенію, кажутся соединенными посредствомъ симпатій». Поэтому-то міръ и есть «подлинно *космосъ*, красота несравненная», потому-то онъ и твердо стоитъ..., «пока не разрываетъ *узы любви*, которыми все связалъ художникъ—Творческое Слово»,—пишетъ также св. Григорій Богословъ ²⁾.

¹⁾ „Вся мѣрою, числомъ и вѣсомъ расположенъ еси“, пишетъ Соломонъ (Прем. 11, 21).

²⁾ Можно замѣтить, что и самое разнообразіе тварей служить къ полнотѣ проявленія любви, дающей возможность наибольшему числу ихъ наслаждаться жизнью.

Посмотримъ на міръ *органическій*—и мы увидимъ еще больше обнаруженіе того-же начала—любви. Растенія и животныя инстинктивно влекутся любовью къ себѣ и другъ ко другу, къ самосохраненію и продолженію рода, стремятся восполнить неполноту своей природы, усовершенствовать ее и чрезъ то какъ-бы осчастливить въ другихъ подобныхъ же существахъ. Отсюда зарождается среди животныхъ любовь родителей (особенно матерей) къ своимъ дѣтенышамъ, основѣ ихъ семьи. Возьмемъ примѣры. Вотъ предъ нами ничтожнѣйшій микроскопическій организмъ—«амеба», живущій въ видѣ шарика въ стоячей водѣ. Какъ и всякое живое существо, амеба питается, растетъ и увенчивается въ объемѣ. Но ростъ поверхности тѣльца амобы, оказывается, отстаетъ отъ роста живой матеріи, составляющей ее внутренне тѣлце. И вотъ вмѣсто того, чтобы погибнуть отъ недостатка питанія (путемъ всасыванія), амеба разрывается пополамъ и, жертвуя собою, достигаетъ, въ сущности говоря, полноты жизни: вмѣсто одного хотя-бы и самаго незначительнаго существа, теперь явилось два—двѣ молодыхъ жизни! Такъ амеба, путемъ самопожертвованія, порождаетъ двѣ новыхъ и болѣе полныхъ жизни. Это-ли одна борьба за существованіе пресловутой теоріи Дарвина? Нѣтъ, это борьба за жизнь другихъ, безсознательное (пока) начало любви.—Еще примѣръ: предъ нами прелестный благоухающій цвѣтокъ розы. Но на долго-ли его благоуханіе? Лепестки розы скоро засохнутъ и она увянетъ. Но что-же оказывается? Въ срединѣ цвѣтка можно замѣтить множество сѣмянъ, которыя роза вырастила на своей груди—колыбели будущихъ малютокъ розъ,—приготовивъ имъ достаточный запасъ пищи, чтобы они не погибли, но, упавши на землю, произвели множество новыхъ жизней. Не есть-ли это увяданіе лепестковъ розы—самоотверженная любовь ради другихъ подобныхъ себѣ существъ?!

Возьмемъ еще примѣръ изъ жизни животныхъ. У нихъ-мы усматриваемъ замѣчательную любовь родителей къ дѣтямъ; даже самыя хищныя изъ нихъ (напр. тигрицы) проявляютъ великую силу материнскаго инстинкта любви въ особенности въ періодъ кормленія, когда животное ласкается, кормить, согрѣваетъ своего дѣтеныша и защищаетъ отъ враговъ, не щадя своей жизни. Все это врожденное влеченіе въ различныхъ тваряхъ природы чутко подмѣтилъ извѣстный нашъ поэтъ гр. А. Толстой и выразилъ въ слѣд. глубоковѣрныхъ и сильныхъ стихахъ:

„Все рожденное отъ Слова,
 Лучи любви кругомъ лия,
 Къ Нему вернуться жаждетъ снова,
 И жизни каждая струя,
 Любви покорная закону,
 Стремится силой бытія
 Неудержимо къ Божью лону.
 И всюду жизнь, и всюду свѣтъ,
 И всемія мірамъ одно начало,
 И ничего въ природѣ нѣтъ,
 Чтобы любовью не дышало.

Но обратимся къ человѣку. То, что въ мірѣ неразумныхъ и нравственно не свободныхъ существъ обнаруживается инстинктивно, то здѣсь очищается, возвышается въ сознательно-свободное стремленіе—*любить*. Животныя сближаются между собою болѣе по чувству страха и по нуждѣ защиты себя отъ другихъ животныхъ и отъ человѣка, а люди сближаются чувствомъ любви, идеей братства и единства; человѣкъ стремится низшее начало инстинктивной любви (плотской) подчинить требованіямъ высшей, духовной своей природы, голосу совѣсти, закону правды и добра. У человѣка (въ семьѣ, обществѣ) естественная сила любви очищается отъ низшихъ пристрастій, чтобы стать на степень любви духовной,—для достиженія цѣлей жизни—служенія Богу и ближнимъ. И кто не знаетъ, что въ людяхъ любовь является основою истинно-человѣческой жизни, истинной и, прибавимъ, *единственной* основой дѣятельной личной жизни всякаго, основой семьи, общества, государства и, наконецъ, Церкви. Любовь служить наивѣрнѣйшимъ залогомъ достиженія знанія и истины; ибо извѣстно всякому изъ собственнаго опыта, что безъ любви къ знанію его нельзя достичь, такъ какъ въ такомъ случаѣ не будетъ энергіи добыть его: только любящимъ знаніе и трудящимся въ полученіи его представителямъ знанія—человѣческимъ гениямъ давались величайшія открытія въ этой области. Любовь же является и главнымъ побужденіемъ дѣятельности человѣка, такъ какъ безъ любви онъ будетъ ко всему равнодушенъ, а равнодушіе убиваетъ всякую жизнь—это опять таки факты всегдашняго оныта: значить, гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и жизни. Любовь есть и залогъ успѣха и плодотворности жизни и дѣятельности человѣка: отъ блестящей дѣятельности высокопоставленнаго церковнаго и общественно-государственнаго дѣятеля до самой простой и незамѣтной работы

мелкаго труженика—всѣ роды занятій тогда лишь принесутъ добрый плодъ и пользу, когда тотъ или другой дѣятель будетъ относить къ нимъ, исполнять ихъ съ любовью. Любовь, наконецъ, есть залогъ и личнаго счастія. Личное благо безъ любви очень часто приводитъ человѣка къ разочарованію; да кромѣ того сердце человѣческое требуетъ, чтобы чувство его было раздѣлено близкимъ ему существомъ: въ этомъ кажется, всѣ согласны, потому что любовь и личное счастье зависятъ другъ отъ друга, одно другимъ взаимно обусловливаются. Недаромъ въдѣ любовь является постояннымъ предметомъ изящнаго (поэтическаго) слова. Покойный поэтъ А. Н. Майковъ выразилъ это въ слѣд. четверостишіи:

„Въ чемъ счастье?
— Въ жизненномъ пути,
Куда нашъ долгъ велить идти,
Враговъ не знать, преградъ не мѣрить,
Любить, надѣяться и вѣрить“.

Взглянемъ на различные виды человѣческой жизни. Вотъ *семья*. Кому неизвѣстно, что взаимная супружеская любовь служить единственно твердою опорою крѣпости и неразрывности брачнаго союза и обоюднаго мира, согласія и, вообще, счастія супруговъ? Черезъ взаимное уваженіе и снисхожденіе другъ къ другу у нихъ закаляется терпѣніе и самопожертвованіе, а чрезъ это жизнь одного супруга восполняется жизнью другого; въ христіанскомъ же бракѣ, какъ таинствѣ, благодатною силою Св. Духа супруги объединяются въ нерасторжимый союзъ любви по образу союза Христа съ Церковію и ихъ взаимной любви (Еф. 5, 25, 29, 32—3)—для вспоможенія другъ другу въ достиженіи вѣчнаго спасенія себя и своей семьи,—союзъ, одухотворяющій и совершенствующій супруговъ и впечатлѣвающій на себѣ любовь божественную, неизреченный духовный союзъ брачующихся съ самимъ Христомъ (по ученію св. І. Златоуста). Въ брачной любви получаетъ свое начало любовь отеческая, материнская, сыновняя, братская, вслѣдствіе чего семья и съ этой стороны — прекрасное училище любви. Отсюда же зарождается любовь къ Богу-Отцу Небесному—чрезъ послушаніе и покорность дѣтей родителямъ, а равно и къ ближнимъ—чрезъ братскую любовь ко всѣмъ членамъ семьи. Всякому извѣстно и то, что только любовью матери, нерѣдко цѣною своей жизни дающей жизнь своему дитяти, слезною и скорбною ея любовью, ея нѣжною лаской и величайшимъ состра-

даніемъ вскармливаются дѣти—эти слабыя существа, явившіяся на свѣтъ Божій, отчего и они, какъ говорится, съ молокомъ матери всасываютъ въ свое сердце отвѣтную любовь къ ней. Поистинѣ великая школа любви материнская любовь! Въ семьѣ преимущественно, такъ сказать, на колѣняхъ любящей благочестивой матери воспитываются и изъ нея выходятъ истинно-великіе люди и дѣятели на всѣхъ поприщахъ дѣятельности.

Семья—зерно, первооснова всякаго человѣческаго общества. А потому та же любовь дѣлается опорой всякаго добра и благосостоянія и общества. Если человѣческое тѣло есть организмъ, тѣснѣйшимъ образомъ соединенный въ единое цѣлое, въ которомъ каждому органу—члену тѣла назначена своя дѣятельность и въ которомъ всѣ и каждый органъ помогаютъ другъ другу (I Кор. 12, 20—6), то и семья и всякое вообще общество есть своего рода организмъ, гдѣ точно также каждый членъ имѣетъ какъ свой характеръ, свое дарованіе, такъ и свое дѣло, свое служеніе, соотвѣтственно своему таланту и призванію. Но это-то многообразіе и соединяетъ членовъ общества въ одно, такъ что каждый имѣетъ нужду въ другомъ и каждый помогаетъ другому, всѣ работая на общую пользу—охотно и любовно; при томъ же люди связываются въ общества узами родства, происхожденія (отъ общихъ предковъ), общею вѣрою, языкомъ, обычаями и т. п. Такъ и въ обществѣ любовь объединяетъ всѣхъ людей въ единый сильный и крѣпкій *организмъ государственный*. А что именно *любовь* служить въ обществѣ главнѣйшей связью, дающей ему единство внутреннее и потому наиболѣе крѣпкое, — это ясно изъ того, что съ оскуднѣніемъ любви, какъ показываетъ исторія, распадались даже самые могущественные государственные союзы. И это понятно; такъ какъ въ этомъ случаѣ начинались обычно ссоры, несогласія, вражда между сословіями, и государство наконецъ разрушалось, погибало. Но это съ отрицательной стороны. Что же касается положительной, то любовь заявляетъ о своемъ значеніи въ двухъ главныхъ началахъ стройности и вселчскаго порядка и благоденствія государства: въ *правдѣ* или справедливости (по Апостолу: «*воздадите всѣмъ должное*»—Рим. 13, 7), руководящейся правиломъ: «*не дѣлай другимъ, чего себѣ не желаешь*» (Дѣян. 15, 20) и въ другомъ высшемъ—*благожелательствѣ*—содѣйствіи всѣми силами счастья своихъ ближнихъ, какъ членомъ одной великой семьи, одного народа. Безъ послѣдняго начала одна правда была бы холодной, бездушной,—

такая правда не можетъ быть зиждущей государственной силой. Нѣтъ, только благожелательная любовь можетъ сгладить всю нерѣдко замѣчаемую рознь между членами общества, клевету, вражду и проч. общественныя язвы, такъ сильно вредящія правильному теченію жизни; только любовь, напротивъ того, воодушевляя всѣхъ и каждого на трудъ своего званія, положенія и состоянія, связуетъ всѣхъ въ единый братскій союзъ, замѣняя указанные недостатки дѣлами милосердія, миромъ и согласіемъ, словомъ—самоотверженнымъ служеніемъ на общее благо. И мы прекрасно узнаемъ все это изъ неоспоримаго свидѣтельства исторіи и повседневнаго опыта. Мы знаемъ, что христіанская любовь всегда была величайшимъ двигателемъ истиннаго прогресса (=развитія) европейскихъ государствъ, основою истинной гуманности (=человѣчности), передовымъ знаменемъ цивилизаціи (=гражданскаго благоустройства), заключая въ себѣ все доброе, все высокое и благородное и исключая все злое. И на самомъ дѣлѣ: что иное, какъ не любовь заставляетъ напр. ревнующихъ о благѣ ближнихъ сходить, такъ сказать, въ самыя трудности жизни людей и подавать руку помощи и тѣмъ, которые являются, какъ говорится, подонками человѣческаго общества, которые теряютъ свое человѣческое достоинство и уподобляются даже, по псалмопѣвцу, «скотомъ безсмысленнымъ» (Пс. 48, 13),—подавать имъ руку и вновь ихъ спасать, выводя на путь добра и человѣческой жизни? Что иное также, какъ не любовь, побуждаетъ общественныхъ дѣятелей основывать такое обиліе разнообразныхъ благотворительныхъ учрежденій на пользу всѣхъ несчастныхъ, обездоленныхъ и погибающихъ? Конечно, нужно, къ сожалѣнію, сознаться, что любовь далеко еще не всецѣло проникла въ христіанскія государства (отсюда всѣ волненія и разные безпорядки), какъ не проникла она и въ международныя отношенія (отсюда войны, ведущіяся иногда не человѣколюбиво), но тѣмъ не менѣе и здѣсь мысль о всеобщемъ мирѣ и наука такъ называемаго «международнаго права»—прямое слѣдствіе духа христіанской любви, видящей во всѣхъ государствахъ, народахъ и племенахъ одну братскую семью, глава и объединитель которой—Искупитель міра Христосъ.—Вотъ почему въ высшей степени несправедливо и безотрадно начало «борьбы за существованіе», выдвинутое англ. ученымъ Дарвиномъ, какъ законъ жизни всѣхъ существъ: въ основаніи его лежитъ все разрушающій эгоизмъ (=самолюбіе), говорящій: «я не сторожъ брату моему»,

узаконяющій право сильнаго и, значить, насиліе, деспотизмъ, обиды, притѣсненія и даже полное уничтоженіе слабыхъ личностей (по пословицѣ: «кто кого можетъ, тотъ того и поглотитъ»). Вотъ почему не вѣрно и другое начало—такъ назыв. «утилитаризмъ»—начало пользы и выгоды, въ существѣ дѣла то же эгоистическое начало, сверхъ того еще обезцѣнивающее и обездушивающее самыя благородныя свойства души—великодушіе, прощеніе, любовь ко врагамъ и др. и, въ концѣ концовъ, переходящее въ желаніе воспользоваться отъ жизни возможно болѣе шими удовольствіями.

Обратимся, наконецъ, къ *Церкви*, какъ наивысшему союзу или обществу людей, предназначенныхъ для вѣчно-блаженной жизни въ Царствіи Божіемъ. Вотъ тутъ-то любовь христіанская и получаетъ свою величайшую степень и силу, завершаясь и успокоиваясь во всеобъемлющемъ центрѣ—*Богъ-Богочеловѣкъ Господь нашъ І. Христъ*. Церковь для того и основана, чтобы сохранять истину православной вѣры и, чрезъ истинную любовь, единеніе людей другъ съ другомъ, безъ различія пола, возраста, званія, состоянія, народности и племени. безъ различія мѣста и времени (Гал. 3, 28), всѣхъ и вся соединить въ *неразрывный союзъ любви* и чрезъ ту же любовь—съ Господомъ І. Христомъ, ея Основаніемъ и Главою, при посредствѣ обитающаго какъ въ каждомъ членѣ, такъ и во всей Церкви Духа Божія. Но это еще не все. Церковь становится посредницей между Богомъ и человѣкомъ, возводя послѣдняго къ тѣснѣйшему союзу съ Богомъ. Церковь, стало быть, есть еще болѣе прочный и сильный организмъ, тѣло—тѣло самого Спасителя—Христа. Прекрасно объ этомъ пишетъ Ап. Павелъ въ I посл. къ Коринѳянамъ: *«теперь членовъ много, а тѣло одно. Не можетъ глазъ сказать рукъ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе. И которые намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ прилагаемъ болѣе попеченія. Но Богъ соразмѣрилъ тѣло, внушивъ о менѣе совершенномъ большее попеченіе. Дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а все члены заботились другъ о другѣ. Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ (и) все члены; славится-ли одинъ членъ, съ нимъ радуются все члены. И вы тѣло Христово, а порознь члены»*, — заключаетъ Апостолъ (12, 20—7.). Очевидно, что опять одна любовь скрѣпляетъ всѣхъ вѣрующихъ.

въ единое тѣло, побуждая ихъ *«хранить единство духа въ союзъ мира»* (Еф. 4, 3 ср. 4, 15—16). И любовь обнаруживается въ Церкви Христовой въ своей наивысшей степени, въ безпредѣльной, божественной высотѣ и могуществѣ. Отчего такъ? Оттого, что въ Церкви самъ Богъ любви вселяется въ человѣка, вступаетъ съ нимъ (какъ и со всею Церковію) въ самое близкое общеніе и чрезъ то освящаетъ и *обожаетъ* человѣка, дѣлаетъ его *«причастникомъ Божескаго существа»* (I Петр. 1, 4). Это именно и происходитъ въ величайшемъ и, такъ сказать, таинственнѣйшемъ изъ всѣхъ христіанскихъ таинствъ—въ таинствѣ св. Евхаристіи—при причащеніи Тѣла и Крови Христовой. Воистину тутъ всякій изъ насъ получаетъ возможность быть однимъ тѣломъ и однимъ духомъ съ Господомъ, соединяясь съ Нимъ въ одно чрезъ воспріятіе въ себя всецѣлаго Христа, всецѣлой Его Богочеловѣческой Личности, Того Христа, Который родился отъ Дѣвы Маріи, пострадалъ, умеръ на крестѣ, воскресъ и вознесся во славу. Что можетъ быть выше этого снисхожденія милосерднаго Бога къ грѣшнымъ людямъ, самоотверженно и пылѣ отдающаго Себя въ *«свѣдь вѣрнымъ»* въ св. Евхаристіи, гдѣ причастникъ Божественныхъ Таинъ въ собственномъ смыслѣ этого слова дѣлается *«сотѣлесникомъ», «сокровникомъ»* (= единокровнымъ) Самому Господу Іисусу, получая отсюда источникъ всяческихъ благъ и залогъ доброй христіанской жизни, спасенія и временной (земной) и вѣчной радости и блаженства во вселеніи себя во Христа и въ воспріятіи въ себя Христа, во взаимномъ общеніи любви съ Нимъ! Это таинство рѣбдиняетъ и всѣхъ вѣрующихъ въ одно тѣло Христово: потому что *«одинъ хлѣбъ»* (т. е. тѣло Христово) *и мы многіе одно тѣло; ибо всѣ мы причащаемся отъ одного хлѣба»* (I Кор. 10, 17). Такъ только въ Церкви Христовой любовь можетъ быть самою возвышенною, чистою, святою и величайшею силою, возрождающей и спасающей человѣка, силою, устрояющей и на землѣ то *«Царствіе Божіе»*, которое есть *«праведность, миръ и радость въ Святомъ Духѣ»* (Рим. 14, 17), силою, производящей всякое добро и побѣждающей всякое зло. Что это такъ,—стоитъ вспомнить общество первыхъ христіанъ, у которыхъ было одно сердце и одна душа (Дѣян. 2, 44—5), силою вѣры и любви все превозмогшее и побѣдившее всѣхъ своихъ величайшихъ враговъ, — мало того, изъ враговъ сдѣлавшее ихъ своими друзьями, послѣдователями Христа, общество, возродившее и

обновившее любовью погибающій во злѣ языческій міръ. И это же начало любви и теперь всякаго побѣждаетъ, обновляетъ и возрождаетъ—и будетъ возрождать и обновлять: потому что ничѣмъ инымъ, никакимъ ученіемъ нельзя покорить человѣка, кромѣ любви (какъ показываетъ опытъ), отвлечь отъ зла и направить на добро: *«Кто во Христѣ, тотъ новая тварь»* (2 Кор. 5, 17). Вотъ здѣсь-то, въ Церкви Христовой, и только въ ней одной, и зарождается та «огненная» любовь, непобѣдимая и несокрушимая ничѣмъ и ничѣмъ привязанность къ Богу, о которой и сказали Апостолъ, что отъ ней не въ состояніи отвергнуть человѣка *«ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь»* (Рим. 8, 38—9); а отъ любви къ Богу—любовь и ко всѣмъ людямъ, почтительная, пѣжная, предупредительная (Рим. 12, 10, 21), благотворящая и врагамъ и уподобляющая человѣка въ любви Самому Отцу Небесному (Мѡ. 5, 44—5). Эта любовь простирается даже на весь Божій міръ, на всю Божью тварь, становясь какъ бы всеобъемлющей, Божественной, безпредѣльной; она дѣлается такъ сильна, что сердце человѣка бываетъ «расширено» и ему становится уже «тѣсно» въ сердцахъ людей (2 Кор. 6, 11—12); любовь настолько «объемлетъ» человѣка (2 Кор. 5, 14), что онъ, въ свою очередь, бываетъ готовъ обнять весь міръ своею любовью...—Такъ здѣсь, въ Церкви, любовь находитъ свое завершеніе.

Но любовь, какъ величайшая христіанская добродѣтель, или, лучше сказать, какъ настроеніе человѣка, захватывающее всѣ его высшія стремленія ума, чувства и воли къ истинѣ, добру и красотѣ величайшей—Богу, свое особенное превосходство выражаетъ въ томъ, что окончательное—то свое завершеніе имѣетъ уже не здѣсь, на землѣ, а тамъ, на небѣ, гдѣ она откроется въ безграничной степени и силѣ (вѣдь наша земная жизнь—лишь приготовленіе къ небесной), гдѣ сердце человѣка успокоится въ блаженномъ общеніи со своимъ идеаломъ любви—Богомъ, и тогда исполнится въ возможномъ для человѣка совершенствѣ обѣтованіе Христово: *«да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они (т. е. всѣ удостоившіеся спасенія) да будутъ въ Насъ едино»* (Іоан. 17, 21),—тогда любовь уже никогда не прекратится, но будетъ продолжаться вѣчно. Такъ въ любви Божіей—конецъ, исполненіе всѣхъ человѣческихъ желаній.

Таково обнаруженіе любви во всѣхъ областяхъ жизни. Теперь намъ понятно, почему *именно любовь*, сознательная, разумная, свободная, любовь духовная, чистая и святая.—однимъ словомъ христіанская,—является величайшею основою жизни и дѣятельности человѣческой, а вслѣдствіе этого и всепревозмогающей и движущей силой. Все, что только есть лучшаго въ цивилизаціи человѣчества, все это является результатомъ всеобъемлющей любви, которую біологъ находитъ даже въ нѣдрахъ самой низшей жизни растений и животныхъ, социологъ и историкъ среди людскихъ обществъ, а философъ, психологъ и богословъ въ сердцѣ каждаго человѣка¹⁾. Она, значить и есть основа закона дѣятельности разумно-свободныхъ существъ, закона, вложеннаго въ природу человѣка и обязательнаго для него, она есть и начало религіи, нравственности, общественной жизни, союзъ всѣхъ подвиговъ и идеаловъ добра, счастья и блаженства²⁾. Последнее потому, что «любовь есть блаженство Самого Бога, Который есть любовь», а, слѣдовательно, для тварей, созданныхъ его любовію, нѣтъ другого блаженства, кромѣ *любви въ союзъ съ Нимъ*³⁾.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующіе прекрасные стихи нынѣшней нашей писательницы г-жи И. Гриневской:

„Боже правый и могучій.
Пусть засвѣтится для насъ
Та звѣзда, что тамъ, за тучей,
Загорѣлась въ этотъ часъ,—

* *
* *

Та звѣзда любви блаженной,
Что засвѣтилась во мглѣ,
Какъ родился въ даръ вселенной
Сынъ Маріи на землѣ.

* *
* *

Пусть какъ прежде, такъ и нынѣ,
Свѣтитъ ярко въ небесахъ
Заблудившимся въ пустынь,
Затерявшимся въ волнахъ,

* *
* *

¹⁾ См. ст. Пяковского въ журн. „Спутникъ Здоровья“, за 1901 г. № 40, „Любовь, какъ охрана жизни и здоровья“.

²⁾ А. Соколовскій: „Религія любви и эгоизмъ“, стр. 89.

³⁾ См. тамъ же, стр. 321.

Пусть надеждой тихой манить
Тѣхъ, кого судьба гнететъ.
Сердце, что любить устанетъ,
Пусть лучами обовьетъ...¹⁾

Да царствуетъ же въ сердцахъ нашихъ истинная любовь!

В. Поповъ.

¹⁾ Изъ стих.: „Рождественская пѣсня“.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки